

Миссия Ангела

Инна Ласточка

Инна Ласточка

Миссия Ангела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70432402

SelfPub; 2024

Аннотация

Михаил – ангел. Его миссия – провозжать в последний путь самых маленьких представителей человечества. Он несёт это бремя из века в век с честью и смирением, не надеясь на чудо, но чудо случается, когда чистая душа ребёнка в самую волшебную ночь в году уговаривает его на маленькое приключение.

Инна Ласточка

Миссия Ангела

Канун Нового года выдался особенно тихим. Михаил давно не видел таких спокойных завораживающих вечеров – тех самых, что сродни застывшей вечности, когда в безветренной пустоте морозного воздуха, под светом уличных фонарей вдруг начинает кружиться пушистый снег. И тишина становится музыкой, и покой ложится на сердце. И сам мир кажется иным.

Михаил раскрыл ладонь и поймал снежинку – такую хрупкую, маленькую и быстроугасающую, как жизнь тех, кому он указывал путь.

Где-то припарковалась машина, и свет её фар на миг полностью осветил Михаила. Его тень на стене высокого здания центральной больницы повела плечами и встряхнула столь длинные ангельские крылья, что они вполне могли заменить плащ.

В палате детской реанимации мерцала искусственная ёлка – на ней не было гирлянд, светились лишь кончики иголок на ветках, меняя цвет. Окна украшали бумажные фигурки деда Мороза и Снегурочки, пищала система жизнеобеспечения, где-то тикали часы. С первого взгляда можно было подумать, что в палате, кроме пациента, никого нет, но это было не так – у кровати сидела женщина. Её лицо посерело от слёз,

тусклый взгляд казался потерянным и пустым, да и сама она представляла из себя тень той, кем была раньше. Бог отобрал у неё всё: мужа, родителей, жизнь, о которой она мечтала, а теперь собирался забрать самого близкого человека, – но кое-что всегда оставалось при ней, кое-что, над чем ни одна высшая сила не имела власти. Надежда. Надежда позволяла ей жить дальше, надежда заставляла её верить, и надежда прямо сейчас теплым огоньком горела в её сердце.

Михаил бессчётное множество раз видел этот огонёк. Видел его неугасающий свет, который сиял даже в те моменты, когда становилось слишком поздно надеяться. Сколько раз его несуществующее сердце наполнялось болью, когда приходилось отнимать у людей самое ценное, силой разнимать крепко сцепленные руки и, стиснув зубы, уводить за собой... к яркому свету иной надежды, к бесконечности иной жизни.

Михаил плохо помнил, почему выбрал этот путь, но зато он прекрасно понимал, почему его не выбрали другие. За века этой однотипной работы другой бы на его месте привык, стал бы игнорировать любые эмоции, закрылся от человеческих слёз, от всех мирских переживаний, но Михаил, сколько бы ни прошло времени, сколько бы тысяч детских душ ни увёл он в Царствие Небесное, не мог ничего с собой поделаться. Каждый раз был как первый. Каждая боль – как своя.

Дверь в палату была приоткрыта, и Михаил на мгновение замер, не решаясь переступить порог. Стрелки часов сделали круг и запустили обратный отсчёт. Время замедлилось.

Тик-так, тик-так... Пульс стал слабее, медлить больше нельзя. Михаил рывком распахнул дверь и вошёл, останавливаясь рядом с кроватью – женщина на стуле не увидела его, но почувствовала. Да, она почувствовала его так же ясно, как он чувствовал огонь её надежды.

– Нет, – прошептала она в пустоту. Система пикнула последний раз, и по монитору поползла ровная полоса сердцебиения.

Михаил всегда удивлялся, как чувствительно материнское сердце, как может оно за мгновение почувствовать беду, через расстояния понять, что на душе у её ребёнка... Женщина перед ним вцепилась в край кровати и сползла на пол. Врача звать не имело смысла – они сказали, что девочку не спасти... они сказали, что осталось только ждать... что всё случится сегодня.

Михаил сжал кулаки и отвёл взгляд, обращая внимание на тоненький силуэт под одеялом. Худая и лёгкая, словно семечко одуванчика, на кровати лежала девочка. На вид ей было не больше десяти лет. Мышиного цвета волосы, длинные, точно нарисованные карандашом ресницы, маленькие пухлые губы – она могла бы вырасти в очень красивую женщину, но пути Господни неисповедимы, и ей предназначался иной путь. Девочка привычно вздохнула, распахнула огромные васильковые глаза и села.

– Здравствуй, Варвара, – сказал Михаил и протянул ей руку. – Пойдём.

Многие дети сначала боялись его, некоторых приходилось уговаривать, кого-то уносить на руках, но Варвара была другой. Она, не раздумывая, подала ему руку и поднялась на ноги. Казалось, она понимает даже больше, чем может себе представить – её растерянный взгляд скользнул по плачущей матери, по её собственному телу на кровати и остановился на крыльях Михаила.

– Я умерла, да? – с завидным спокойствием спросила Варвара.

Она смотрела так открыто и чисто, будто бы уже пережила это, будто бы всё-всё знала с самого начала.

– Да, – сказал Михаил, – ты всё правильно поняла.

Он хотел сказать что-то ещё, может, утешить, но перед её взглядом, перед её смелостью и открытостью, все слова утратили смысл, и только молчание могло быть достойно глубины момента.

– Если я пойду с тобой, – Варвара снова неуверенно взглянула на мать, – куда ты меня отведёшь?

Михаил почувствовал, как от этого вопроса у него почеловечески заболело сердце, а слёзы, которых не могло быть, выступили на глазах. Он сжал руку Варвары крепче и прошептал.

– Домой.

Они вышли на улицу. В парке рядом с больницей боль-

ше не светили фонари, не сияли новогодние огни, только белый снег без единого человеческого следа, и яркий луч, падающий на аллею прямо с неба, словно гигантский прожектор. Свет луча ослеплял, и Варвара, зажмурившись, остановилась.

– Мама обещала показать мне новогоднюю ёлку... – сказала она, прикрывая глаза ладошкой. – Покажи мне, пожалуйста. В том месте ведь нет новогодних ёлок?

Михаил кивнул.

– Нет.

Позже он часто задавался вопросом, почему решил согласиться – это было запрещено. Михаил не мог оставлять душу на грани миров по собственной прихоти, не имел права исполнять её просьбы, но именно сейчас, именно для Варвары ему хотелось что-нибудь сделать. Смертные называли новогоднюю ночь волшебной, и, может быть, она действительно такой была. Что случится, если одинокий ангел позволит себе исполнить последнее желание невинной души? Михаил посмотрел на Варвару и улыбнулся.

– Хорошо, но только недолго. Тебе опасно оставаться здесь.

Он поудобнее перехватил её руку и свернул от яркого света в сторону, на заснеженную аллею. Мир снова обрёл краски, на деревьях появились фонарики, на тропинках возникли следы. Они шли вдвоём – мужчина и маленькая девочка – незамеченные никем, и никем не остановленные. Молча.

– А маму я больше не увижу? – вдруг спросила Варвара. Её вопрос был взвешенным и хорошо обдуманым. Михаил догадался, что она уже знает ответ, просто хочет услышать от него правду.

– Увидишь... когда придёт её время. Обязательно увидишь.

Впереди показалась ёлка, украшенная логотипом какой-то компании, с рубиновой звездой на макушке и яркими красными шарами. Варвара заметила её, ахнула и, выдернув руку из руки Михаила, бросилась вперёд. Он не стал догонять. Ему не нужно было совершать пробежку, чтобы сиюминутно оказаться рядом – для этого у него за спиной росли крылья. Михаил переместился к ней и замер, наблюдая её восхищение.

Варвара разглядывала шары. Рядом с ней ходили люди, родители с детьми, влюблённые пары, одинокие прохожие. Михаил отвлёкся на них и заметил, что все дети – да и взрослые тоже – одеты празднично и красиво, а на Варваре была лишь больничная пижама и тапочки. Конечно, она не могла замёрзнуть, никто не видел её наряда, но Михаилу казалось, что это неправильно, что раз взялся помогать, нужно помогать до конца.

– Варвара! – он окликнул её и пошёл навстречу.

Она широко улыбнулась. Со своими белыми крыльями, с этим неземным ореолом у головы, Михаил виделся ей настоящим волшебником. И она искренне поверила в это, ко-

гда он взмахнул рукой, позолота с веток взлетела в воздух яркой пылью, смешалась со снежинками, а затем осыпалась на неё. Пижама превратилось в самое настоящее платье снегурочки с сапожками, шапочкой и варежками. Варвара осмотрела себя. Михаил чувствовал, что ей хочется визжать от восторга, что будь тут её мама, она бы так и сделала, но перед ним ей было неловко и стыдно. Варвара скромно опустила взгляд.

– Спасибо. Маме бы очень понравилось.

Михаил не находил слов. Она действительно была очень красивой девочкой, могла вырасти в прекрасную женщину, стать кем-то важным или известным... Мысль оборвалась, когда Варвара после долгого молчания вдруг сказала.

– Ты похож на моего папу...

Сердце Михаила, которое в эту ночь он чувствовал слишком уж часто, остановилось.

– Правда? – голос сорвался и охрип. Перед глазами внезапно появились картины его счастливой жизни... возможной жизни, где у него была дочь, любимая жена, где он каждое утро ходил на работу, пил по дороге кофе, встречался с друзьями и дарил подарки...

– Правда, – тихо подтвердила Варвара, – он тоже дарил мне красивую одежду... – она резко погрузилась и отвернулась к ёлке. – Мой папа был лёгчиком-испытателем. Мама говорила, что он отправился в долгое путешествие, к Большой Медведице, – она указала пальцем в небо, не поднимая

головы. – Туда.

Михаил сделал шаг к ней, хотел коснуться её плеча, но не смог, и решил продолжить разговор.

– А почему именно к Медведице?

– Мишей звали, медведь значит, – ответила Варвара. – Вот своих друзей навестить полетел...

Что-то тёплое и отдалённо знакомое разлилось по телу Михаила, он опустился перед ней на одно колено и протянул руку в жесте приветствия.

– Я тоже Миша.

Она удивлённо взглянула на него, похлопала своими огромными глазами и подала руку в ответ.

– А я Варя. Просто Варя.

– Будем знакомы.

Прогулка затянулась. Им было хорошо и весело вместе. И кто мог судить их за желание побыть немного счастливыми? У кого бы хватило сил прервать эту идиллию, ощущение праздника, застывшего в вечности момента?

Они сидели на покрытой снегом скамье у ёлки и рассматривали узоры снежинок, когда куранты начали обратный отсчёт. Михаил стряхнул снег, хотя ему это делать было совсем не обязательно, и встал.

– Пора, Варь... нам, правда, пора.

Она посмотрела на него с долей смятения и шепоткой

страха.

– Мы не дождёмся Нового года?

– Нельзя. Нужно уйти до полуночи, мы и так слишком сильно задержались. Идём, – он взял её за руку и повёл мимо ёлки в аллею, в конце которой ещё сиял ослепительно белый луч.

С каждым их шагом исчезали следы, люди, подёрнулась туманом и ёлка. Они были почти у цели, когда это случилось.

Все фонари одновременно замигали, мир снова обрёл краски и более живые звуки, чем раньше, а затем всё погрузилось во тьму. Луч, к которому шли Михаил и Варвара, исчез, осталась только ёлка – тёмная и безжизненная она возвышалась за ними на фоне серого неба, покрытая ледяной коркой. Варя испугалась и прижалась к Михаилу, когда в основании ёлки что-то зашуршало – по снегу растеклась вязкая липкая жидкость, оставляющая в воздухе стойкий запах еловой смолы, шишек и – только Михаил мог учуять это – серы.

– Встань за мной! – приказал он.

Варя не послушалась. Любопытная от природы, она не могла не взглянуть на того, кто скрывается во мраке ночи, кто угрожает им.

Жидкость подбиралась к ним медленно и неумолимо, словно застывающая лава. Михаил немного развёл руки в стороны и встряхнул пальцами так, будто сбрасывал с них воду. Варя, ведомая незримой силой, сделала шаг вперёд, и

в этот момент перед ней возникла стена золотого света, покрытая надписями на старом, незнакомом ей языке. Она отшатнулась и врезалась в Михаила – золотая стена окружила их плотным кольцом. Чёрная жидкость подползла совсем близко, коснулась золотой стены и зашипела, съёжилась, отступая, но это не было победой – из жидкости стало формироваться нечто странное. Сначала оно выросло в человеческий рост, затем распрямилось, разгладилось и резко надулось, будто в новый воздушный шар втокнули воздух из баллона. Существо сделало шаг вперёд, и золотой свет ангельской защиты высветил его чёрный силуэт. Варя отступила. Это был самый настоящий демон, покрытый смолой и пеплом, с чёрными зрачками во все глаза, в которых можно было утонуть и потерять себя навеки. Демон уставился на Варю, но говорить почему-то стал с Михаилом.

– Какая вкуснятина, – чёрный язык хищно облизал губы. – Ты привёл такую вкуснятину. Ты... ты... – жуткий, леденящий душу смех разнёсся над парком. – На тебя бы я никогда не подумала. Совершить такую ошибку... Я же сказала, что однажды твоё сочувствие приведёт тебя к гибели! – демон снова рассмеялся.

– Ты её не тронешь, – спокойно сказал Михаил.

– Разве? И кто же мне помешает? Ты, ангельское отродье?

– Эта ночь открыта для божественных чудес, – сказал Михаил и подмигнул Варе, – чистые души не уходят в полночь туда, куда ты хочешь её забрать...

– Да брось, – демон скривился, – ты сам в эти сказки не веришь. Демоны бессмертны, а ты бессилён предо мной... ты предал свой путь, своё предназначение...

– ...и только чистая душа... – продолжил Михаил, будто его не перебивали.

– Замолчи! – демон изогнулся и вдруг, метнувшись вперёд, без всякого ущерба для себя, вытащил Михаила из золотого круга. Демонический голос усилился многократно и стал двоиться. – Закрой свой рот!

Варя попятилась, только из круга выходить побоялась и просто села на землю, закрывая уши руками. Она слышала, как они сражаются, как бьются на земле и в небе, чувствовала движение воздуха, когда они оказывались слишком близко, но за ослепительным светом своей защиты не могла видеть их. В какой-то момент боя всё затихло, и Варя испуганно подняла голову, надеясь, что победил Михаил, а в следующий миг вскрикнула – Михаил рухнул на землю рядом с защитным кругом, попытался подняться, не смог и потерял сознание. Одно из его белых крыльев было сильно повреждено, перья окровавлены, струйка крови стекала и со лба из-под белых выющихся волос.

– Миха... ихаил, – всхлипнула Варя, – вставай, – её голос сорвался на шёпот, – вставай, ты сильный. Ты же медведь, – она вытерла кулаками слёзы, стекающие по щекам. – Ты же... ты мой папа.

Куранты стукнули девятый раз и привели Михаила в чув-

ство. А может, это сделали Варины слова. Он с трудом повернулся к ней, протягивая руку сквозь золотое свечение.

– Ты чистая душа. Ничего не бойся. Слышишь меня?

Варя закивала, снова вытирая слёзы, и схватила его за палец.

– Только не оставляй меня, ладно. Не уходи...

На этих словах, пугая её до первозданного ужаса, появился демон. Он чёрной тенью спустился к ним, схватил Михаила за крыло и оттащил в сторону, буквально выдирая его руку из руки Вари.

– Никто не останется с тобой. Все взрослые врут, а ангелы врут многократно. Ты никому не нужна, – демон присел перед золотым барьером и склонил голову на бок, – тебя все бросят. Мать счастлива, что ты освободила её, – его когтистая рука потянулась к Варе, но в этот раз барьер сработал. Демон отшатнулся и зашипел. – Отец бросил вас, потому что ты противная маленькая бестия!

Варя заплакала, но ни на йоту не поверила этим злым словам, она только испугалась, что останется одна, что больше никогда не сможет увидеть Михаила. Сквозь слёзы Варя заметила белое перо – орошённое каплями крови, оно опустилось на снег у её ног и засияло. Его свет был тем самым светом надежды, который ещё несколько часов назад горел в сердце её матери.

– Он тоже тебя бросит, – демон вернулся к Михаилу, пнул его тело и, выхватив что-то сверкающее, замахнулся.

– Нет!

Детский голосок прорезал морозный воздух. Куранты ударили одиннадцатый раз, и Варя, собрав снег из-под ног, кинула плотно скатанный снежок в демона. Снег, будто божественное оружие, проделал в чёрном теле дыру, зашипел и обжог края раны. Демон завизжал, бросился на Варю, а она, словно растеряв весь свой прошлый страх, шагнула сквозь стену золотого круга. Тучи мгновенно разошлись, лунный свет упал на её маленькую фигурку, и на двенадцатом ударе курантов Варя засияла. Точно так же, как недавно упавшее перо. Она вспыхнула ярким белым ореолом и ослепила демона, осветила всё вокруг.

Визг, которым разразился демон, мог разорвать перепонки кому угодно, но только не Варе, только не ей. Она сделала ещё один шаг вперёд, заставляя демона отступить – тот, скуля и извиваясь, повалился в снег и стал таять, словно расплавленный чёрный металл.

– Чистая душа... легенды не лгали... – прошипел он на последнем издыхании. Его тело слилось с жидкостью и медленно уползло туда, откуда появилось.

Какое-то время над аллеей ещё звучал дикий душераздирающий вопль, а затем фонари загорелись снова, ёлка расцвела шарами и гирляндами, рубиновая звезда зажглась на верхушке. Варя хотела подбежать к Михаилу, но что-то остановило её. На одном из шаров ёлки мелькнул странный белый блик, привлекая внимание. Варя подошла ближе и сде-

лала это как раз вовремя – свет, окружавший её, переместился в шар, и над парком разнёсся новый голос. Глубокий, тягучий и очень уютный.

– Ты совершила настоящий поступок, Варвара. Ты не испугалась своей тьмы, не побоялась защитить друга, не поверила ложным словам. За это я исполню одно твоё самое последнее желание. Любое. Даже невозможное.

– Желание? – Варя растерялась, перебирая в голове всё на свете. Но что она могла хотеть? Она посмотрела на Михаила, на раскинутые в снегу крылья, на капли крови на белых перьях, и приняла, возможно, первое в своей жизни важное и осознанное решение. – Я хочу, чтобы Михаил остался жив.

Тишина. Никто не ответил ей, и Варя, выждав, как ей показалось, достаточно, повторила своё желание. Снова тишина.

– Я не могу этого сделать, – ответ прозвучал после паузы настолько длинной, что Варя решила, будто её желание не услышали и не услышат уже никогда. – Михаил – ангел, и он жив. Только ему решать, возвращаться на свой путь или начать новый. Загадай другое. Чего ты хочешь лично для себя?

Для себя? Варя задумалась. Зачем ей что-то просить для себя? Ведь там, за гранью яркого луча света, ей уже ничего не будет нужно. В свои десять лет она хорошо понимала это, она знала, что такое смерть. Или думала, что знала.

– Мне ничего не нужно... – пробормотала она, почему-то испытывая вину. Ей, правда-правда, ничего не было нужно.

Она подумала о плюшевом зайце, который подарил ей папа, о платье, которое совсем недавно создал Михаил, и о маме, плачущей где-то там у её больничной кровати. Мама. Идея возникла сама собой и сформировалась в слова до того, как Варя успела её обдумать. – Пусть сегодня ни одна мама больше не заплачет, – на одном дыхании проговорила она.

Ёлка мигнула огнями, и голос сказал, в этот раз совсем не раздумывая.

– Да будет так.

Свет померк, время остановилось. Секундная стрелка часов на стене высотного здания поползла назад, сначала медленно, а потом быстрее и быстрее. Тик-так, тик-так, тик-так – что-то сильно толкнуло Варю в грудь, она вскрикнула, оступилась и упала бы в снег, если бы руки Михаила не поймали её сзади. Руки совершенно здорового и живого Михаила.

– Благословенное дитя, – сказал он со счастливой улыбкой, – у тебя получилось! Нужно спешить, улыбнись и дай мне руку.

В палате детской реанимации мерцала искусственная ёлка – на ней не было гирлянд, светились лишь кончики иголок на ветках, меняя цвета. Окна украшали бумажные фигурки деда Мороза и Снегурочки... на мониторе системы жизнеобеспечения бежала ровная полоса, а у кровати, убитую горем

женщину, пыталась привести в чувство медсестра. Другая медсестра подготавливала систему к полному отключению. Её белый халат был полурастёгнут, волосы, наскоро убранные в пучок, пушились, покрасневшие глаза говорили о бессонной ночи.

– Ох, беда-бедовая, – проговорила она со вздохом и потянулась к шнуру питания системы.

До отключения оставалась доля секунды, когда в палату ворвался дежурный врач и перехватил её руку.

– Стой! Подожди... – он указал на монитор. – Смотри!

Несколько минут назад он ещё дремал в ординаторской, но возникшая во сне странная тревога заставила его проснуться. Мысль о том, что девочка может быть жива, что её ещё можно спасти, из простого домысла в какие-то доли секунды стала навязчивой идеей, и он кинулся в палату, не раздумывая. И успел.

Никто из них не знал, что в этот момент, прямо в этой самой палате Варя прощалась с Михаилом.

– Проживи самую счастливую жизнь, которую только можешь представить. Долгую и счастливую. Не торопись возвращаться. – Михаил пожал Варю руку с таким теплом, каким не должны были делиться ангелы.

– Я тебя забуду, да? – Варя печально улыбалась ему, но на сердце её было радостно и светло.

– Забудешь, – согласился Михаил и присел так, чтобы смотреть ей в глаза. – Ты забудешь меня, но твоя душа всегда

будет помнить. Будь счастлива, Варя.

Тик-так, тик-так, тик-так... система жизнеобеспечения пикнула и запустилась снова. Полоса сердцебиения стала неровной. Сначала маленькие с разными интервалами, а потом равномерные, одинаково высокие изгибы сменили ровную линию. Медсестра, собиравшаяся отключать систему, уставилась на монитор, перевела взгляд на девочку, и вдруг изменилась в лице. Грудь Вари высоко поднялась, ресницы дрогнули, и Варя открыла глаза.

Варя пришла в себя и очень скоро покинула больницу вместе с мамой. Теперь она точно знала, что в мире всегда есть место чуду, что чистое сердце способно преодолеть любые страхи, а любовь и дружба могут изменить мир.

Только одного Варя так и не поняла – нужно всегда точно формулировать свои желания, чтобы избежать неприятных последствий. Впрочем, в этот раз, всё сложилось более чем удачно. В тот самый день, ранним утром первого января, прозвучала одна из самых необычных и чудесных новостей наступившего года – в больницах всего мира дети, находящиеся на грани смерти, вышли из комы, пошли на поправку, почувствовали себя лучше, а их родители, так же как и мама Вари, обрели новую надежду.

Единственный день, в который ни одна мама мира не пролила слёз горя.

– Чудеса случаются, – Михаил закончил очередной рабочий день и устало опустился на случайную скамейку в случайном парке. С вишен падали лепестки, всё вокруг цвело и благоухало, на розовом кусте о чём-то спорили воробьи, а никем невидимый ангел думал вслух. – Да... чудеса случаются, а что такое миссия ангела, если не поиск чуда?